

Пролог

Мокрые волосы под ветром хлестали ее лицо, и она щурила глаза от дождя. Такая погода заставляет поторапливаться, и все сломя голову несутся мимо по скользким тротуарам, пряча подбородки в поднятые воротники. Проезжающие машины обдают обувь тучей мелких брызг. Из-за уличного шума она выхватывает лишь отдельные слова из его болтовни, которая начинается, как только открываются ворота школы. Слова вырываются из него сплошным потоком, без перерыва, смешиваясь и путаясь от все нарастающего возбуждения, вызванного этим новым миром. Она улавливает что-то насчет его лучшего друга, космического проекта, нового учителя и, опустив на него глаза, улыбается его возбуждению, игнорируя холод, который пробирается под шарф. Мальчик улыбается ей в ответ и задирает лицо вверх, чтобы попробовать капли дождя на вкус; его мокрые ресницы кажутся темными зарослями вокруг глаз.

— А еще, мама, я могу написать свое имя!

— Ты у меня умный мальчик, — говорит она, останавливаясь, чтобы с чувством поцеловать его во влажный лоб. — Покажешь мне, когда вернемся домой?

Они идут так быстро, насколько это позволяют ноги пятилетнего ребенка; в другой руке она держит его портфель, который бьет ее по коленям.

Они уже почти дома.

От мокрого асфальта отражается свет фар, который слепит их через каждые несколько секунд. Дождавшись просвета в потоке машин, они резко ныряют через улицу с интенсивным движением, и она крепче сжимает маленькую ручку в шерстяной варежке, так что малышу приходится бежать, чтобы поспеть за ней. Опавшие листья, постепенно меняющие свою яркую осеннюю раскраску на унылый коричневый цвет, липнут к мокрым оградам.

Они идут по тихой улочке, уже за углом находится их дом, и мысли о его соблазнительном теплом уюте согревают им душу. Расслабляясь в родной обстановке, она отпускает его руку и смахивает с глаз прядь мокрых волос, смеясь при виде веера брызг, вызванных этим движением.

— Ну вот, — говорит она, когда они делают последний поворот. — Я для нас с тобой специально оставила свет зажженным.

На другой стороне улицы виден их дом из красного кирпича. Две спальни, крохотная кухонька и садик, уставленный горшками, которые она всегда мечтала заполнить цветами. Вокруг никого, их только двое.

— Я обгону тебя, мама...

Он никогда не престаёт двигаться, энергия переполняет его с первых секунд после пробуждения и до того момента, когда голова бессильно падает на подушку. Все время прыгает, все время бегом...

— Давай!

Все происходит за один удар сердца. Она вдруг чувствует пустоту возле себя, когда он бежит к дому, к теплой прихожей, к манящему свету лампочки на крыльце. Молоко, печенье, двадцать минут телевизора, потом рыбные палочки на полдник. Привычный распорядок, к которому они привыкли очень быстро, за какую-то половину его первого семестра в школе.

Машина возникает из ниоткуда. Визг мокрых тормозных колодок, глухой звук от удара пятилетнего мальчика о ветровое стекло, маленькое тельце, перевернувшееся в воздухе, прежде чем упасть на дорогу. Она бежит к нему, прямо перед все еще движущейся машиной. Скользит и тяжело падает на вытянутые руки. От удара у нее перехватывает дыхание.

И через какой-то миг все уже кончено.

Она склоняется над ним и начинает лихорадочно искать пульс. Смотрит на одинокое белесое облачко пара из своего рта в прохладном воздухе. Видит темную тень, разливающуюся под его головой, слышит собственный вопль откуда-то со стороны, как будто кричит кто-то другой. Она поднимает глаза на забрызган-

ное ветровое стекло, на струи воды из омывателя, улетающие в темноту сумерек, и кричит невидимому водителю, чтобы он помог ей.

Склонившись, чтобы согреть ребенка своим теплом, она распахивает пальто, пытаясь накрыть их обоих, и его полы пропитываются водой с дороги. Пока она целует его и умоляет очнуться, заливавшее их море желтого света сжимается в узкий луч — машина резко сдает назад. Двигатель отчаянно ревет, автомобиль делает попытку развернуться на узкой улице — две, три, четыре попытки... Наконец ему это удастся, и он, чиркнув крылом по одному из громадных платанов, высаженных вдоль дороги, уносится прочь.

И наступает темнота.

Часть первая

1

Детектив-инспектор¹ Рей Стивенс стоял у окна и задумчиво созерцал свое рабочее кресло, у которого вот уже по меньшей мере год как был сломан подлокотник. До этого момента он ограничивался самым простым и прагматичным подходом — просто не облакачивался на левую сторону. Но, пока он выходил на обед, кто-то черным маркером написал на спинке «дефектив». И теперь Рей раздумывал, хватит ли у хозяйственной службы участка энтузиазма (недавно прорезавшегося с новой силой при ревизии оборудования) на то, чтобы заменить эту мебель или же ему суждено руководить Бристольским отделом криминальных расследований, ОКР, сидя в кресле, подвергающем серьезным сомнениям его профессиональные способности.

Порывшись в хаосе верхнего ящика своего стола, Рей нашел маркер и переправил «дефектив» на «детектив». В этот момент дверь его кабинета открылась, и он торопливо выпрямился, судорожно надевая на маркер снятый колпачок.

— А-а, Кейт... Я тут просто... — Он запнулся, внезапно узнав тревожное выражение ее лица еще до того, как увидел распечатку оперативной ориентировки. — Что там у тебя?

¹ Приставка «детектив» перед званием в полиции Великобритании указывает на принадлежность к Управлению криминальных расследований и на то, что человек прошел соответствующую подготовку, сдал экзамены и способен расследовать все виды преступлений. — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

— Дорожно-транспортное происшествие в Фишпондсе, сэ. Виновник скрылся. Погиб пятилетний мальчик.

Рей протянул руку и, взяв у Кейт листок, быстро пробежал его глазами, пока она неловко мялась в дверях. Ее перевели к ним недавно, она проработала в отделе всего пару месяцев и еще не освоилась. Впрочем, работником она была хорошим — даже лучшим, чем сама об этом догадывалась.

— Номер кто-нибудь видел?

— Нет, насколько нам известно. Патруль выставил ограждение на месте происшествия, и, пока мы с вами разговариваем, старший группы записывает показания матери ребенка. Она, как вы понимаете, в глубоком шоке.

— Сможешь сегодня задержаться? — спросил Рей, и Кейт с готовностью закивала еще до того, как он закончил свой вопрос.

Они обменялись напряженными полуулыбками, как взаимным признанием в приливе адреналина, который кажется таким неуместным, когда происходят настолько ужасные вещи.

— Тогда поехали.

На выходе они кивнули группе курильщиков, толпившихся под навесом у заднего крыльца участка.

— Все в порядке, Стампи¹, — сказал Рей. — Я забираю Кейт в Фишпондс, на ДТП со сбежавшим водителем. Свяжись с региональным управлением и узнай, нет ли у них какой-нибудь информации по этому делу, хорошо?

— Будет сделано.

Пожилой полицейский последний раз затянулся своей самокруткой. Детектива-сержанта, или просто ДС, Джейка Оуэна звали «Стампи» настолько давно, что, когда в суде зачитывали его полное имя, это вызывало у знавших его невольное недоумение. Очень немногословный, Стампи, который побывал во множестве разных переделок, но при этом не торопился делиться с кем-то подробностями, был в управлении Рея, безусловно, лучшим его ДС. Они уже несколько лет работали вместе, и Рей

¹ Стампи — коренастый, приземистый (англ.).